

Часть I.

ТАЙНЫЕ МЕТОДЫ
КРАМЕШНИКОВ

Глава 1. Старая княгиня

С раннего детства, как и любой нормальный ребёнок, я очень любил своего отца и, естественно, неповторимую, самую красивую и самую умную на свете маму. Если отец пропадал целыми днями на работе, то мама всегда была рядом. Именно она отвечала мне на мои первые вопросы. Из её видения мира и формировался базис моего раннего сознания. Тот самый, который я смог сохранить на всю свою оставшуюся жизнь. Я не просто любил родителей, я боготворил их и гордился ими. Вполне естественно, что любое дитя обожествляет своих родных, и это нормально. Но моя радость и гордость имела под собой почву. Потому что, играя во дворе дома, где прошло моё детство, от многих взрослых я слышал о бескорыстии своего отца и об отзывчивости к окружающим людям своей матери. Про отца говорили, что он способен снять с себя последнюю рубашку и подарить нуждающемуся. О матери соседи рассказывали примерно то же самое. Такое поведение родителей воспитало во мне прямооту, бескорыстие и сердечность. Очень долго я не понимал, что собой представляет человеческая жадность, зависть и жажда власти. О стяжательстве я слышал только в сказках. Почему-то в детстве жадные люди вызывали у меня не только чувство отвращения, но и казались мне смешными. Их мелочность и скупость в моём сознании не соответствовали высокому званию — Человек, казалось, что такие люди недопонимают простого: сколько бы ты не копил вещей, все они со временем станут ненужными. Потому что, по сути, это тоже игрушки, только несколько иного характера. Игрушки же, какими бы они ни были, имеют свойство надоедать. В то безоблачное время своего детства я знал только из сказок, что есть на земле странные люди, которым вещи никогда не надоедают, их к счастью, не так уж много и живут они в ином мире. Что вся их жизнь посвящена сплошному накоплению. Реальных эгоистов — и по этой причине злых и жадных завистников — я вокруг себя не замечал. Да их, наверное, в те вре-

мена в среде простых людей встречалось так мало, что они особо и не светились. То был конец великой сталинской эпохи. Время надежд и восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Кое-кто считает, что период правления Иосифа Виссарионовича навязывал гражданам СССР законы крайнего аскетизма. Это далеко не так. Рыночные отношения характерны и для социалистического общества. Только они имеют совершенно иной характер, где на первое место выдвигается не выгода, а целесообразность. Люди в сталинскую эпоху тоже приобретали вещи, но в основном самое необходимое. Те, без которых никак нельзя. Лишних вещей, и потому ненужных, в стране практически не производилось. И дело было не в аскетизме, а совсем в другом. В понимании большей частью наших соотечественников, что основной ценностью для человека являются не вещи, а знание. Только оно позволяет человеку чувствовать себя по-настоящему свободным. Именно по этой причине граждане СССР той героической эпохи и стремились к знаниям. Ограничение в материальном и бесконечность в познании, в то время, совершенно бесплатном, формировало особую психику людей будущего. Именно такими людьми и являлись мои родители, поэтому я о дегенеративном комплексе человека-накопителя и стяжателя знал только понаслышке. Но всё, как известно, меняется. На смену эпохи Сталина пришли времена Хрущёва. И люди на глазах стали перерождаться совсем не в лучшую сторону. Никита Сергеевич провозгласил материальные ценности выше духовных. Сделал он это для общества незаметно, понятно, чтобы не раздражать приверженцев сталинского курса. Но факт остаётся фактом: реформа в сознании большинства граждан Союза у него получилась. Теперь все средства массовой информации СССР рассказывали о росте нашего валового продукта, о том, что Союз по добыче стали, угля, зерна и товаров народного потребления скоро догонит Соединённые Штаты Америки и даже их перегонит. Что скоро каждый советский человек сможет приобрести для себя всё, что ему заблагорассудится. Было б желание иметь. О знаниях речь

уже не шла, потому что образованность, воздействуя на сознание, переводит человека в совершенно иное качество. Она заставляет его «быть», превращая в созидателя, творца. Она хорошо образованные и высокодуховные люди Никиту Сергеевича не устраивали. Они нужны были Иосифу Виссарионовичу, но не Хрущёву. Последний из всех сил разрушал наследие Сталина, причём во всём, где только мог: и в экономике, и в политике, и даже в образовании, но прежде всего — в душах советских граждан. Это для Хрущёва и его суфлёров из-за рубежа было главным. Серьёзные изменения в психике своих родителей я почувствовал не сразу. Моему безоблачному детству, которое длилось почти до двенадцати лет, казалось бы, не предвещало ничего такого, что могло его омрачить. На мелочи я не обращал внимания, а серьёзные подвижки, которые протекали в обществе, в силу своей молодости я просто не замечал. Испугал и опустил меня на землю случайно услышанный разговор бабушки с матерью.

Я всегда удивлялся своей бабушке. Старинных боярских кровей, как смеялся отец — «недобитая контра», по своим убеждениям была женщиной, каких мало. В кругу своих знакомых она слыла одновременно и бережливой, и щедрой. В бабушкином доме в плане вещей ничего не было лишнего. Всё только по делу. Если она переставала чем-либо пользоваться, она тут же от ненужного избавлялась. Как правило, кому-то эту вещь дарила или оставляла в таком месте, где её обязательно заберут нуждающиеся. У потомственной княгини был девиз: не делать из своей квартиры склада. Удивляла ещё одна деталь. Несмотря на то, что бабушке платили мизерную пенсию, она никогда не нуждалась в деньгах. Мало этого, она часто давала деньги моей матери, которой всегда почему-то их не хватало. Почему — я тогда не понимал. Несмотря на то, что бабушка происходила из древнего знатного рода, она была великой труженицей. Летом Мария Георгиевна начинала заниматься своими делами с 6 утра. Зимой — несколько позднее, но тоже очень рано. В её огороде все без исключения овощи давали небывалые урожаи. На ба-

бушкиной грядке всегда появлялись самые ранние огурцы, в то время как у соседней по улице их ещё не было. То же самое можно сказать и о помидорах. Как в сказке, они созревали прямо на кустах. Хотя в соседних огородах те же самые сорта выглядели чахлыми и, как правило, зелёными. По улице ходили слухи, что моя бабушка знает какое-то волшебное слово. Волшебства же никакого не было, просто она любила трудиться. И работала она не из необходимости, как принято было у тех, кто совсем недавно перебрался из деревни в город и возомнил себя барином, а с особым воодушевлением и радостью. Как должен отдавать себя труду любой культурный и по-настоящему образованный человек. Глядя на бабушку, я понимал, что такое настоящий аристократизм. И мне всегда хотелось на неё походить. Быть аристократом не внешне, а внутренне, так же светиться изнутри, как и она.

«Вот почему бояр и князей называли в народе “ваша Светлость”», — на примере бабушки дошёл до меня сакральный смысл древнего обращения.

И вот, будучи в гостях у своей потрясающей бабули, я услышал, как она, сидя на кухне, отчитывает мою маму. Всегда сдержанная, спокойная и величественная, она, говоря со своей дочерью, на этот раз волновалась. И я почувствовал ту душевную боль, которая её терзала. Слушал и не верил: бабушке почему-то было стыдно за мать. Она так и говорила:

— Мне стыдно за тебя, дочь, очень стыдно! Неужели ты не понимаешь, куда опрокинула и себя, и мужа? Туда, откуда нет возврата. Почему ты позволила тёмным изменить свои ценности?! Разве этому я тебя учила? Вспомни мои слова. Что всё материальное, какое бы оно ни было, имеет всегда относительную ценность, абсолютно только знание. Глубокое понимание окружающего мира, тех процессов и в природе, и в социуме, которые способен наблюдать и чувствовать человек. Ты потянулась за призраком, за химерой. Золотой телец никогда не был богом. Он всегда вёл в преисподнюю. Я давно за тобой наблюдаю. Ты никак не можешь успокоиться. Всё покупаешь и приобретаешь. Зачем тебе ковры, зачем тебе отрезки? Что ты будешь с ними делать? Тебе же до самой

смерти не сносить и десятой части того, что у тебя в гардеробах! Как ты изменилась! Такое ощущение, что я разговариваю не со своей дочерью, а с чужим человеком!

— Знаешь, мама, — перебила моя мать бабушку. — У тебя старомодные взгляды. В юности ты знала роскошь, а я видела только нищету. Естественно, мне тоже хочется пожить по-людски.

— По-людски, говоришь?! Это не по-людски, а по-свински! Я до сих пор прочитываю не менее десяти книг в месяц, а ты их читаешь? За год две, от силы три, да и то ширпотреб! Так или нет?

— Ну и что с того, что ты живёшь книгами? Что ты с этого имеешь? — зло усмехнулась мама.

— Я вижу жизнь такой, какая она есть, — с дрожью в голосе ответила бабушка. — Ты же пребываешь в иллюзии. Когда до тебя дойдёт, что ты прожила своё впустую, будет поздно. Ничего уже не вернёшь.

Потом, после долго паузы, бабушка продолжила:

— Мне внука жаль. Вряд ли он примет ваши ценности. И тебе с мужем придётся его ломать.

— Ничего, сломается, он моё дерьмо, что захочу с ним, то и сделаю, — поднялась со своего места моя мама.

— Дерьмо, говоришь?! — повысила голос бабушка. — Он принял только твою с отцом плоть. Душу же ему дал Творец! Ты родила маленького Бога. И у него есть право выбора. Если захочет, Бог превратится в чёрта, возражать не стану. Но если не захочет, буду с ним рядом до конца, куда хватит у меня сил. И ничего вы со своим мужем с моим внуком не сделаете.

— Всё, хватит меня учить, — оборвала мать бабушку. — Он наверняка слышал весь наш разговор. Пусть теперь сам решает. Ты слышишь меня?! — начальственным тоном обратилась ко мне мать, обзлённая упрямством бабушки. — Давай, собирайся, нам пора! Или ты задумал здесь остаться? Иди сюда!

Я молча вошёл на кухню и, подойдя к бабушке, обнял её за плечи.

— Что ж, оставайся, — сверкнула глазами в мою сторону раздосадованная мама. — Но учти: как ты, так к тебе и я, — и она, выйдя в прихожую, заперла за собой дверь.

Ошарашенный услышанным и тем, с каким видом покинула она бабушку, я не знал, что и думать. Сознание отказывалось воспринимать случившееся. Мой иллюзорный мир рушился, и я это понимал.

«Что же произошло? — силился осознать я своим детским умом. — Какие силы смогли разделить дочь с матерью? Если такое случилось, чему я невольно оказался свидетелем, значит они есть. Тогда откуда они взялись?»

Видя мой растерянный вид, бабушка поднялась со своего места и, подойдя к окну, сказала:

— Ты многого ещё не понимаешь, внучек. Мал ты, вот в чём беда. Был бы взрослее, я бы тебе многое рассказала...

А потом, повернувшись ко мне, увидев мой растерянный вид, она вдруг улыбнулась своей необыкновенной светлой улыбкой.

— Вообще-то ты почти взрослый. Трувор в твои годы ладёй командовал. Это наш с тобой далёкий предок. Знаешь такого?

Я кивнул.

— Когда-то я тебе о нём рассказывала, — напомнила бабушка. — И о твоём тёзке Юрии Семёновиче Мстиславском, который управлял смоленскими полками при Грюнвальде. Он тоже твой родственник. И взялся за меч, как и его отец, в неполные четырнадцать. Так что буду говорить с тобой, как со взрослым, а ты постарайся меня понять. Жить мне осталось совсем немного, ты же, по сути, — вздохнула бабушка, — почти ребёнок. Но выбора у нас нет, поэтому я открою тебе тайну, которую знают совсем немногие.

Я во все глаза смотрел на дорогого мне человека и его не узнавал. Всегда спокойная и уверенная в себе бабушка была крайне взволнована. Чтобы успокоиться, она несколько раз прошлась по комнате, потом, повернувшись ко мне, сказала:

— Обещай, что сохранишь услышанное от меня в своём сердце и никому об этом не скажешь.

— Обещаю, — прошептал я.

— Тогда слушай. То, что происходит сейчас в стране, — предательство. Да-да, предательство, самое настоящее! И возглавляет банду предателей и мерзавцев лысый хитрец и подонок Микита Хрущ! Когда-нибудь ты узнаешь, что Иосиф Виссарионович Сталин умер не своей смертью. Его убили. Убили для того, чтобы расчистить место Хрущу.

— Кто убил?! — вырвалось у меня.

— Это не так важно. Просто я знаю, что его убили.

— Откуда ты знаешь? — задал я дурацкий вопрос.

— Не спрашивай, а слушай, — строго посмотрела на меня бабушка. — Сталина убрали, чтобы развернуть в стране тот процесс, который мы сейчас наблюдаем.

— Не пойму, о чём ты? — взмолился я.

— О чём?! — посмотрела на меня старая седая женщина долгим пронизывающим взглядом. — Попробую тебе объяснить. Есть такое мистическое учение, которое в незапамятные времена халдейские жрецы подарили евреям. Называется оно каббалой. Так вот, в этой самой каббале существует традиционный приём, с помощью которого для энергетического поражения противника создаётся общественная иллюзия противоестественности его замыслов. Белое всегда выдается за чёрное, добро нагло и бессовестно представляется злом. Таким образом подменяется вся система ценностей. Верх становится низом. Низ же превращается в верх, правое выдается за левое и наоборот, высмеивается и намеренно извращается всё позитивное и жизнеутверждающее. Причём во всём, в том числе и в искусстве. Создаётся патология искажённого мировосприятия. Одним словом, происходит узаконивание противоестественности. Становится нормой то, что ни в коем случае не должно быть.

От слов бабушки внутри у меня всё похолодело.

— Ты можешь объяснить, зачем всё это?

— Я же тебе сказала: чтобы направить внутреннюю энергию общества на уничтожение его самого. Как ты понял, делается это с помощью циничной лжи.

— Ложь как главное оружие? — переспросил я.

— Вот именно, — села на своё место бабушка. — Теперь ты понимаешь, что случилось с твоими мамой и папой. Они приняли ложь за правду.

— И отказались от истинных ценностей в пользу тех, которые им были подсунуты? Правильно я понимаю?

— Правильно, — кивнула своей красивой седой головой бабушка. — Хотя ты и мал у меня, но удал. До тебя дошла суть.

— А что за тайну ты мне хотела открыть? Это и есть твоя тайна?

— Конечно, нет. Я тебе сказала очевидные вещи. Тайна в другом. Если человек принимает ложные ценности, принимает их искренне и начинает ими жить, он постепенно сходит с ума.

— С ума?

— Да, с ума. Как это получается, мне неизвестно, но это так. Потому что безумец не только сам извращает свою жизнь, живёт не правдой, а кривдой, но, что самое страшное, рождает себе подобных. Его патология передаётся по наследству. Впервые это было замечено у воров. От вора всегда рождаются склонные к воровству дети.

— Об этом я где-то слышал.

— Вот-вот, — вздохнула бабушка. — И те силы, которые с помощью лжи целенаправленно изменяют сознание наших людей на противоположное, отлично это знают. Запомни: их главной задачей является не столько сам фактор коренного изменения ценностей, сколько его последствия. Закрепление этих изменений в природе человека.

— Но ведь тогда сотни тысяч людей с самого своего рождения... как бы точнее сказать... — замялся я.

— Превратятся в патологических безумцев, — закончила мою мысль бабушка. — И не сотни тысяч, как ты сказал, а миллионы. Что сейчас мы и наблюдаем.

От слов бабушки я вздрогнул. В реальной жизни я никогда безумцев не встречал, но от бабушкиных слов веяло такой безысходностью, что мне стало страшно.

— Неужели так всё плохо? — посмотрел я на неё.

— Хуже некуда. Каких-то 5–6 лет назад твоя мать была совсем другим человеком. А сейчас ты у неё — дерьмо, а я — на-

битая старомодная дура. Я, видите ли, в своей молодости каталась, как сыр в масле, а она жила в нищете! И теперь моя дочь стремится наверстать упущенное и не понимает, что угодила в такую сеть, из которой уже не выбраться.

— Почему? — не понял я.

— Потому что сатанинские ценности стали для твоей матери нормой. Запомни, внук: деньги и вещи для настоящего человека являются всего лишь средством, но не целью. Для психически нездорового — это цель. Понимаешь, не для того Творец подарил человеку сознание, чтобы он с помощью его обустроивал своё физическое тело, создавал для него комфортные условия существования. Это путь в никуда, дорога смерти, но не жизни.

— Скажи мне, бабуля, — перевел я разговор на несколько иную тему. — Ты и вправду, как считают отец с матерью, в своём детстве и юности... — тут я опять замялся.

— Слыла барыней и жила в роскоши?! — улыбнулась старая княгиня.

И мне показалось, что её улыбка засветилась сквозь слёзы.

— Как тебе сказать, внучек? С одной стороны, я и мои младшие братья — Арсен с Александром — родились в княжеской семье, семье довольно богатой. Здесь моя дочь права, в юности нищеты я не знала. Но с другой стороны, нас с детства учили не быть привязанными ни к деньгам, ни к вещам. Мы получали образование не для того, чтобы сытно и комфортно жить, именно для этого сейчас многие и учатся, а для того, чтобы созидать. Уметь, и мыслить и трудиться творчески. Всё это на благо Великой России. И воспитание наше было жёстким. Когда мы не справлялись с заданием, нам не давали пищи. Да-да, я знаю, что такое и голод, и холод. Правда, меня не пороли, но вот Шуре, моему брату, частенько доставалось. Он был нахрапистый, и поэтому твой дед разбирался с ним по-княжески, на конюшне. Такого воспитания твоя мать не знает, да и ты с ним не знаком. Вообще-то тебя и наказывать не за что, — поднялась старая княгиня с табуретки.

— А где сейчас твои братья? — спросил я её.

— Александра убили ещё в Питере во время красного террора, а Арсен всю жизнь прожил среди бурят на берегу Байкала. Ты ведь о нём слышал, и не раз.

— А как ты с дедушкой уцелела? — стал допытывать я.

— Меняли фамилии, не раз переезжали с места на место... Страшно было, когда страной заправляли троцкисты. Но после того как Сталин взял над ними верх, всё изменилось к лучшему. Меня пригласили на работу по ликвидации неграмотности, твоего деда сделали начальником участка на первой прокопьевской шахте.

— Ты хочешь сказать, что сталинское время для таких, как ты, было неплохим?

— Да. Кровавым оно было для перерожденцев и троцкистов. О перерожденцах ты только что слышал. Про троцкистов же ничего не знаешь. Но я тебе вот что скажу: это те самые люди, через которых силы тьмы ещё тогда пытались провести реформу в нашем сознании. Вывернуть нормальные человеческие ценности наизнанку.

— Из того, что ты мне рассказала несколько минут назад, им это всё-таки удалось? — заметил я.

— Удалось, — кивнула головой бабушка. — Жаль, что Иосиф Виссарионович не поставил к стенке Микиту «Кукурузника», просмотрел. И теперь троцкистские реформы идут полным ходом.

— Я не знаю, кто такой Троцкий и чем он занимался, но выходит, что Хрущёв его последователь, так?

— Так, именно так, внучек, — оценивающе посмотрела на меня бабушка. — Мне нравится, что основное для себя ты уяснил. Теперь, я думаю, тебе понятно, почему Микита Хрущ, когда прорвался к власти, стал обливать грязью Сталина?

— Так выходит, ты с ошибками Иосифа Виссарионовича не согласна? Не признаешь за ним культа личности и всего остального? — удивился я.

— У Сталина была всего одна ошибка, внучек, — снова села на своё место старая княгиня. — Он был слишком доверчивым и мягким человеком. Да, он проводил в партийной элите чистки, и жестокие, но не доводил их до конца. Верхушки

троцкизма он собрал, те, что были наверху, всех этих Камневых, Зиновьевых, Блюхеров, Ягод, Тухачевских, Якиров и многих других, но корни троцкизма так и не вырвал. Затаившиеся мерзавцы уцелели, и Микита «Кукурузник» один из них. Если даже его и «успокоят», всё равно запущенный им процесс подмены ценностей, особенно у поколения, которое родилось после войны, остановить не удастся. Это приведёт СССР к концу.

— Не понимаю, о чём ты? Неужели нашей стране что-то угрожает?

— Угрожает гибель, мой дорогой внук!

— Гибель? — открыл я рот, мне казалось, что бабушка бредит. — Как это может произойти? — недоумевал я.

— Рыба всегда с головы гниёт. Голова уже сейчас смердит, что будет потом, увидишь. Нашу державу разрушат перевёртыши в Кремле и безыдейные потребители в массах. Слышал, о чём мечтает твоя мать? О роскоши! — последние слова бабушка сказала с раздражением. — Упустила я дочь: война, разруха, не до неё было. А потом твой отец... Она его не любит — вот в чём беда! — поднялась она снова со своего места. — Я пойду, поишлюсь в огороде, а ты посиди, подумай об услышанном. — Похоже, сегодня твоему детству пришёл конец.

— Хорошо это или плохо? — невольно спросил я бабушку.

— И не то, и не другое. Просто с этого дня жизнь твоя станет иной. Если она тебя подомнёт, больно мне станет! Даже на том свете будет больно! Ты меня понимаешь? — посмотрела она мне в глаза пронизывающим вопросительным взглядом.

Я подошёл к дорогому мне человеку и, обняв его, прижался своей щекой к её лбу.

— Прости за откровенность, — сказал я бабушке. — Немного мне удалось понять из твоих слов. Например, не знаю, кто такие троцкисты и что они хотят. Но будь спокойна: сам себя я никогда не предаю. Всегда останусь тем, кто я есть, и никогда не покину тебя. Ты ведь с моего рождения знаешь, что я пошёл по твоей родне.

— И дедовой! — улыбнулась сквозь слёзы бабушка. — Он был великим человеком. Ты помнишь его?

— Да, конечно!

— Что ж, начинай новую жизнь! Но знай: булат и тот тупится...

— Я его буду периодически точить, — заверил я родного мне человека.

Когда бабушка вышла во двор, я сел на кушетку и ещё раз припомнил услышанное.

«Надо же, — рассуждал я про себя. — Старая княгиня, как говорит отец — “недобитая контра”, не просто хорошо относится к Сталину, она его очень высоко ценит. Что у них общего? У “вождя народов” и пережитка прошлого мира — моей бабушкой? Очевидно глубинное понимание происходящих, не только в нашей стране, но и во всём мире каких-то очень серьёзных процессов? Бабушка начала свой разговор с изуверского каббалистического приёма разворота сознания, когда чёрное выдается за белое и наоборот, левое за правое и т.д. Наверняка и Сталин знал эту древнюю “премудрость”. И как мог, так и боролся с её влиянием, — сделал я для себя вывод. — Если так, то понятно, за что его НКВД отправлял в лагерь так называемых “врагов народа”. Но разве лагерем и тюремным режимом можно спасти человека от ложных убеждений? Нет, наверное! Это не метод воспитания. Хотя, наверное, кому-то он тоже помог. Даже в своей маленькой жизни я встречал людей, которые прямо говорили, что сидели не зря, а за дело... Бабушка обвиняет Иосифа Виссарионовича в одном — в доверчивости и мягкости... Он-то мягкий?! Кто же тогда твёрдый? Столько непонятного и загадочного? Что ж, жизнь есть жизнь, она многое и покажет и многому научит, — рассуждал тогда я. — Главное — идти вперёд и ни при каких обстоятельствах не изменять своих убеждений. Вот мой путь».

И я его уже осознавал, несмотря на то, что был совсем молод.

Глава 2. Пять каббалистических законов

После того рокового разговора бабушка прожила совсем недолго. Она ушла из жизни, когда я окончил школу и поступил в университет. Хоронили её в лютый январский мороз в одной ограде рядом с могилой деда. Для меня это была невосполнимая утрата. Больше родного по духу человека рядом со мной в семье не было. Глядя на бетонный крест и фотографию бабушки, я понимал, что впереди меня ждут серьёзные испытания. И так я всю свою маленькую жизнь нёс жребий «белой вороны». Но в семье, пока жива была старая княгиня, я был не так одинок. И в какой-то степени защищён её авторитетом. Теперь же всё это в прошлом. И ещё я допустил, как когда-то сказала бабушка, непростительную ошибку. Попытался напомнить отцу с матерью об их молодости. О времени, когда наша семья жила беднее материально, зато была богаче духовно. Когда по вечерам часто вслух у нас читались книги, все вместе мы посещали концерты и устраивали самодеятельные турпоходы. То были счастливые времена. Никто тогда из семьи не болел вещизмом, все довольствовались тем, что было, и чувствовали себя вполне счастливыми. Но моя ностальгия о прошлом была истолкована родными как попытка их перевоспитать.

— Надо же, яичко курочку учит! — возмутилась мать.

— Ишь ты! — прищурился зло отец. — Меня учить вздумал! Сейчас другое время, значит надо жить так, как живут все! Мал ещё указывать, что мы должны, а что нет! Молоко на губах не обсохло...

Эта ошибка дорого мне обошлась. Я понимал, что после моего призыва опомниться, родные по крови люди смотрят на меня как на врага.

— Зря ты их, — журила тогда меня бабушка. — Ты, что, русскую поговорку забыл: не тронь дерьмо — меньше вони будет? Вот взял и обозлил их, а тебе с ними жить... Других-то у тебя родственников нет. Мне же осталось совсем недолго...